
дикий, варварский, азиатский мир, враждебный всем выработавшимся в Европе принципам гражданского устройства, нравственности и культуры²³.

Так был сформирован в сознании европейцев один из наиболее стойких и расхожих стереотипов характеристики русских. Возник он отнюдь не у Герберштейна, и не исключено, что габсбургский дипломат в своем восприятии, а затем и описании российской действительности сам оказался под сильным его влиянием (этот вопрос пока остается открытым). Однако «заслуга» (или лучше сказать — важная роль) Герберштейна в том, что исходные черты этого стереотипа были приведены к единству: рабство было показано в его сочинении не только как явление социальное (рабы как особая категория общества) и хозяйственное (в частности, купля-продажа людей), но и в более широких проекциях, в виде, с одной стороны, всесословного, навязываемого тиранической властью, внешнего рабства (или рабства политического), с другой — в виде ущербной нравственной природы людей, тяготящихся свободой и предпочитающих ей состояние зависимости.

²³ См. подробнее: Кудрявцев О. Ф. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От средних веков к Возрождению. СПб., 2002.

Е. Р. Сквайрс, Е. В. Григорьева

ЛАТИНСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ТЕКСТЫ САМОЗВАНЦА ЛЖЕ-ШУЙСКОГО II (ТИМОФЕЯ АНКИДИНОВА): ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОДЛИННОСТИ*

История самозванца Лже-Шуйского II (Тимофея Анкидинова), в течение десяти лет (до его казни в Москве в декабре 1653 г.) разворачивавшаяся вне пределов Руси — в Риме, Венеции, Сербии, Германии — остается одной из малоизученных страниц русского самозванчества¹ и Смутного времени в целом. Пользуясь покровительством крупнейших сил Европы (папской курии, Швеции, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Фридриха III и др.), самозванец так и не приблизился к реальной попытке занять русский трон, а остался политической картой в дипломатической игре, возникшей в связи с голштинским договором по поводу торговли с Персией через Русь. Договор был невыгоден для Голштинии, и герцог воспользовался Тимошкой, чтобы убедить русского царя вернуть ему договорные грамоты. Эти грамоты и стали ценой за выдачу самозванца московским властям.

Главным источником по истории Анкидинова являются рукописные документы, находящиеся в архивах России, Германии, Швеции, и др. Русские источники лишь недавно систематически изучены В. В. Дубовик (В. Дубовик 2000), а остальные, в основном латинские и немецкие, ранее почти не публиковались и не изучались².

* Данная статья является частью исследовательского проекта, выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-04-00099а).

¹ Библиографию по этому вопросу см. в диссертации Дубовик В. В. (ср. Прим. 4).

² См. о языке и стиле немецких грамот: Сквайрс Е. Р. Немецкий язык XVII в. в роли языка международной дипломатии (переписка королевы Швеции Кристины, Фридриха III Голштинского и царя Алексея Михайловича по делу самозванца Лже-Шуйского II). Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб., 2001. С. 205–212; Она же. Немецкие грамоты Самозванца Тимофея Анкидинова (1617–1653) в текст-лингвистическом аспекте политического диалога Руси и Германии. Тезисы докладов международной конференции «Языки и культура». Москва, 14–17 сентября 2001 г. М., 2001. С. 113; Skvairs E. R.: Variation im Formelbestand und Identität des Ausstellers: eine Sprachkontaktstudie zu russisch-deutschen Rechtstexten des 14.–17. Jh. — Vulpis Adolatio. Festschrift für Hubertus Menke zum 60. Geburtstag. / Hrg. R. Peters, Horst Pütz, Ulrich Weber. Heidelberg, 2001. S. 809–821.

В истории самозванца Лже-Шуйского II много неясного, а известный рассказ Адама Олеария³, придворного библиотекаря Фридриха III в Готторпе и его посланника в России по делу о персидской торговле, находившегося в интересующий нас период в Москве, имеет, по мнению В. В. Дубовик, вторичный характер⁴. В связи с этим особую важность приобретают сохранившиеся письменные документы по делу Самозванца, а это, в свою очередь, делает необходимой оценку подлинности этих рукописных источников, а также определение среди них тех, автором которых мог быть сам Тимофей Анкидинов. Оба эти обстоятельства весьма трудно прояснить в таком деле, как авантюра Лже-Шуйского II, имевшем характер политической аферы, в которой участвовали царь Алексей Михайлович, шведская королева Кристина, герцог Шлезвиг-Гольштинский Фридрих III, гетман Богдан Хмельницкий, князь Трансильвании Георгий II Ракоци, католические кардиналы⁵ и другие, — а потому оно было в значительной степени окружено тайной и недомолвками, взаимным обманом, а часто и прямыми фальсификациями, в том числе и в официальных документах. Раскрыть эти секреты при помощи одних лишь фактов, изложенных в рукописных источниках, трудно, и помочь в этом вопросе могла бы оценка их аутентичности на основе лингвистического и филологического анализа.

Особенности языка, стиля и формуляра текстов, в том числе отклонения от норм и шаблонов, принятых в инстанциях, участвовавших в переписке по делу, могли бы служить указаниями на подлинность, авторство и другие тщательно скрывающиеся обстоятельства, связанные с настоящими намерениями и установками сторон.

В. В. Дубовик в составленной ею описи источников по делу самозванца приводит перечень текстов, приписываемых самому Тимофею Анкидинову⁶. Кроме значительного количества русских грамот, в их число входят письма и прошения на латинском и немецком языках, в основном относящиеся к позднему периоду аферы.

В данной статье рассматриваются латинские тексты Т. Анкидинова, написанные от его имени — в последний период его деятельности. В их число входят прежде всего три письма на латинском языке:

1) послание шведскому канцлеру Оксенштирну 1651 г., (Riksarkivet, Stockholm, Oxenstierna collection, vol. E 718);

2) письмо шведской королеве Кристине (Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 7, Bestand Nr. 1500. Tomoska Ankidenow, fol. 194—196);

3) письмо Тимофея Анкидинова в магистрат города Любека (Landesarchiv Schleswig-Holstein, Bestand Abt. 7, Nr. 1500. 1652—1653. Tomoska Ankidenow, f. 146), а также три письма на немецком языке, части которых написаны на латинском языке:

4) письмо любекскому епископу Иоанну, брату голштинского герцога Фридриха, от 15 мая 1653 г., (f. 136), в котором на латинском языке написано заключение и частично подпись;

5) письмо голштинскому герцогу Фридриху (f. 122) с латинскими заключением и подписью;

6) письмо любекскому епископу Иоанну, брату голштинского герцога Фридриха, май 1653 г. (f. 147) с латинскими заключением, подписью и адресом.

Анализ ошибок и стилистических отклонений от нормы латинского делопроизводства помогут выяснить некоторые обстоятельства возникновения текстов, в первую очередь: 1) принадлежат ли они перу самого Анкидинова или же 2) составлены профессиональным латинским писарем, например,

³ Adam Olearius. Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung. Schleswig, 1656.

⁴ Дубовик В. В. Самозванец Тимофей Анкидинов и его рукописное наследие: язык и риторическая структура. АКД. М., 2000.

⁵ Исторические обстоятельства авантюры Лжешуйского II подробно изучила В. В. Дубовик, на диссертацию и другие работы которой мы и опираемся в данной статье.

⁶ В. В. Дубовик. Самозванец Тимофей Анкидинов и его рукописное наследие: язык и риторическая структура. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. М., 2000. Приложение 1.

секретарем или переводчиком, сделавшим перевод с русского черновика самозванца, либо запись под его диктовку с одновременным переводом на латинский язык? Если верно первое, то можно перейти к следующей задаче: попытаться выяснить, каковы особенности латинского письма самозванца. В том случае, если эти особенности окажутся в достаточной мере характерными и яркими, на них можно опереться в качестве признаков для атрибуции и на этом основании, возможно, высказать предположения, касающиеся и других латинских текстов корпуса — например, относительно подлинности многочисленных рекомендаций от высокопоставленных особ, которые возил с собой Анкидинов, предъявляя их в качестве доказательства своей легенды.

Для ответа на первый вопрос — об авторстве Анкидинова в отношении текстов, составленных от его имени, — необходимо прежде всего уяснить, что среди перечисленных выше документов, скорее всего, нет собственноручных писем Тимошки. Дошедший до нас фонд № 1500 из архива земли Шлезвиг-Гольштейн почти целиком представляет собой современные списки, в том числе в копиями книгу канцелярии замка Готторп. Среди двух сотен листов фонда только два немецких документа представляют собой оригиналы (не списки в копиями книгу): приказ Фридриха об аресте и выдаче Анкидинова от 19 ноября 1653 г. за герцогской подписью и печатью (лист 79) и закрытое письмо Фридриху на немецком языке от 1653 г. с подписью и остатками печати (вложено между листами 99 и 100).

Просмотр латинских текстов, составленных от имени Анкидинова, убеждает в том, что они являются списками, выполненными одним и тем же человеком, который, судя по ровному и твердому почерку, должен был быть профессиональным писцом.

Следует заметить, что в немецких письмах, кроме латинского, присутствует также итальянский язык: адреса двух писем написаны по-итальянски, подпись первого из них также выполнена по-итальянски, есть итальянизмы и в его латинском заключении. Например, в выражении *amoreuolissimus amicus* прилагательное *amoreuolissimus* — явно не латинское, а, возможно, итальянское («любезнейший» — ?). Другой итальянизм содержит, на наш взгляд, выражение *cum una Copia testimonijs*, на котором следует остановиться отдельно. В нем интересно не только ошибочное употребление падежной формы (должно быть лат. *testimoniorum*), но и весь его облик. Толкование этого выражения как «одна копия свидетельств(а)» вряд ли имеет смысл, так как, во-первых, у Анкидинова имелось не одно, а много свидетельств (т. е. письменных рекомендаций и поручительств): в деле лежит 9 отдельных, различных документов, содержащих отзывы еще гораздо большего числа высокопоставленных лиц). Во-вторых, бессмысленно упоминание числа копий — «одна копия». Можно предположить здесь итальянское языковое влияние: *una* употреблено, очевидно, в роли итальянского неопределенного артикля ж. р., а не числительного. Некоторые орфографические ошибки в латинском языке этих текстов также, очевидно, сделаны под влиянием итальянского языка (см. ниже). Обращение к адресату также сформулировано по-итальянски: *Sua Serenita*.

Орфографические ошибки и графические варианты:

В наших текстах присутствует множество написаний, неправильных с точки зрения классической латыни, однако регулярно встречающихся не только в рукописных текстах, но и в печатных изданиях вплоть до 30-х г. XIX. в., когда впервые были разработаны принципы орфографии для латинского языка. Такого рода написания, следовательно, не свидетельствуют о каких-либо характерных особенностях латинского языка текстов Тимофея Анкидинова, в том числе о неграмотности писавшего. К таким чертам следует отнести следующие написания:

- 1) *e* вместо *ae* (*repe* вместо *raepe* «почти», письмо канцлеру Оксенштирну),
oe вместо *ae* (*moeror* вместо *maeror* «горесть», там же),
oe вместо *e* (*coetero* вместо *cetero* «прочим», там же)

2) смешение *t* и *c* (*commendatitias* вместо *commendaticias* «рекомендательные», письмо канцлеру Оксенштирну, *conditione* вместо *condicione* «условием», *recommndatitias* вместо *recommndaticias* «рекомендательные», там же, то же в Abl. в письме шведской королеве)

3) отсутствие обозначения двойных согласных, не выходящее за рамки орфографической нормы того времени (*solicite* «тщательно» вместо *sollicite*, письмо шведской королеве).

Вторую группу орфографических признаков, отклоняющихся от нормы классической латыни, составляют:

4) отсутствие обозначения двойных согласных, в основном встречающееся в письме Тимофея Анкидинова шведской королеве Кристине: *recomendationis* вместо *recommndationis* «рекомендации», *miserimus* вместо *miserimus* «несчастнейший» (так же и в послании городу Любеку), *preoscurati* вместо *preoscurati* «взволнованные» в письме шведской королеве);

5) слитное написание вместо раздельного и наоборот, говорящие, видимо, о том, что пишущий не осознает границ между словами (*subtutelam* «под охраной» вместо *sub tutelam* в письме шведской королеве, *severum inmodum* «жестoko» вместо *in modum* в письме шведской королеве, *inpostulatis* «в прошениях» вместо *in postulatis* (письмо 4, заключение), *pro me* «за меня» вместо *pro me* (письмо 4, заключение); *pec dum* «и не, еще не» вместо *pecdum*, а также в письме шведской королеве: *ex postulo* «молю» вместо *expostulo*, *eoquo* «тем, чем» вместо *eo, quo*, *insuscepto* «в принятом» вместо *in suscepto*, *exasse* «полностью» вместо *ex asse*;

6) написание *i* вместо *e*, возможно, под влиянием произношения, скорее всего, итальянского (*sicuritate* «безопасность» вместо *securitate*, *undiquaque* «со всех сторон» вместо *undequaque* в письме шведской королеве);

7) пропуск букв (*promtissimus* «готовейший, наготовый» вместо *promptissimus* в письме канцлеру Оксенштирну, *pristinaque* «прежней» вместо *pristinæque* в письме шведской королеве);

8) замена одних букв другими (*obtimis* «наилучшими» вместо *optimis* — к официальным лицам, *quidi* «смог» вместо *quivi*, письмо шведс. королеве)

9) окончание Abl. Sing. III склонения на согласный *-i* вместо обычного *-e*, отражающее средневековые представления о морфологии⁷ (*longiori* «более длинным» вместо *longiore*, *feliciori* «более счастливым» в письме канцлеру Оксенштирну вместо *feliciore*)

Такие неверные написания следует считать ошибками, свидетельствующими о плохом знании латинского языка.

Грамматические ошибки

Среди этого разряда ошибок прежде всего выделяются случаи употребления неправильного падежа или неверное управление предлога:

1) В письме брату герцога Фридриха встречается употребление именительного падежа вместо дательного в конце длинного обращения, когда дистантная позиция дополнения сбивает пишущего, и он меняет падеж, допуская ошибку: *Nobilissimo, Magnifico, Amplissimo, atq(ue) Clarissimo viro, Domino Consul, Senior et Praeses Ill(ustrissi)mae: et Exc(cellentissi)mae: Reipubl(icae): Lubecensis D(omi)nus ac P(at)ronus Collendiss(I)mus* *Благороднейшему, великопнейшему, славнейшему, а также светлейшему мужу, консул, правитель и президент славнейшей и превосходнейшей республики Любекской господин и глубокоуважаемый патрон.* Такой сбой свидетельствует о недостаточно твердом владении латинской грамматикой;

⁷ Эта ошибка встречалась, очевидно, и в поздней античности и уже тогда была абсолютно недопустима. На это указывает тот факт, что античные грамматики латинского языка специально отмечают необходимость написания *e* в данном окончании, см., например, грамматику Кледония: *Ars grammatica Cledonii: Notandum quod comparativus gradus ablativum singularem semper in e mittit, ut ab hoc fortiore, doctiore.* (Grammatici Latini. Ed. F. Keil. Bd. 5. Leipzig, 1868. S.38). На подобном написании настаивает и Сервий, см. *Grammatici Latini.* Ed. F. Keil. Bd. 4. Leipzig, 1864. S. 409). Обе эти грамматики оставались актуальными и в дальнейшем, так что их свидетельства вполне приложимы и к текстам XVII века.

2) Самая яркая ошибка в управлении — употребление предлога *ad* с *Dat.* вместо правильного *Acc.*: *ad Rei Publicae Lubecensi*, «Любекской республике» (т. е. вольному городу Любеку), в письме магистрату Любека. Эта ошибка очень интересна, так как именно такое нарушение управления могла вызвать интерференция русского языка, где адресование выражается дательным падежом;

3) Встречаются ошибки, связанные с плохим знанием латинского склонения: неправильное окончание *Dat./Abl.* (*promissionis* «обещаниями» вместо *promissionibus*, письмо 3), смешение окончаний II склонения существительных на *-ium* и III склонения на *-io* (*pro meo statio* «в моем местопребывании» вместо *pro mea statione*, письмо шведской королеве, *sub protectio* «под покровительством» вместо *sub protectione*, в письме магистрату Любека) не указывают на какой-либо конкретный язык в качестве источника интерференции, но свидетельствуют о невысокой языковой компетенции;

К последней группе примыкают синтаксические ошибки:

4) употребление одного падежа вместо другого: *Dat.* (*Abl.*?, они совпадают во множественном числе) вместо *Gen.* (*testimoniis* «свидетельств» вместо *testimiorum*, письмо 2);

5) употребление *Acc.* вместо *Nom.* (*extorrem* «лишенный» вместо *extorris* в письме к официальным лицам г. Любека);

6) не вполне осознанный выбор сочинительных союзов *et, que, atque (ac)* — они употребляются без какого-либо различия, откуда ясно, что писавший не разбирался в синтаксических тонкостях латинского языка, напр., адрес письма 4: *Nobilissimo, Magnifico, Amplissimo atque Clarissimo viro, Domino Consuli Seniori et Praeses Illustrissimae et Excellentissimae Reipublicae Lubecensis Dominus ac Patronus Collendissimus* «Благороднейшему, великолепнейшему, славнейшему, а также Светлейшему мужу, Господину Консулу, Правителю и Президенту славнейшей и Превосходнейшей Республики Любекской Господину и Глубокоуважаемому Патрону»;

7) нарушение синтаксиса латинского языка: употребление после глагола *oro*, «молиться» придаточного предложения вместо оборота *Accusativus cum infinitivo* (письмо 2): *orans ut... Sua Serenita... amicus et Patronus esse velit*. «Моля, чтобы Ваша Светлость захотела стать другом и покровителем»

Как видим, ошибок, свидетельствующих о конкретном происхождении текста, например, русских интерференций, мало. В то же время даже в языке высших инстанций Германии наблюдаются колебания в орфографии, в использовании диалектных вариантов, в выборе формул и клише. Это относится в равной степени и к немецкому языку канцелярий, и к их же латинскому языку.

К сожалению, такой теме, как «особенности латинского языка канцелярий Германии», уделяется крайне мало внимания со стороны лингвистов, не говоря уже о дифференциации по регионам Германии, типам инстанций (имперские, княжеские, городские, орденские и проч.) или по хронологическим периодам. Поэтому мы практически не располагаем сведениями о том, какой должна быть правильная, «хорошая» профессиональная латынь герцогской канцелярии замка Готторп, т. е. северногерманской области Шлезвиг-Гольштейн в середине XVII в.

По этой причине трудно определить, какие из выявленных особенностей (ошибок) следует отнести к узусу канцелярии, а какие — к индивидуальным чертам самозванца как автора латинских текстов. Однако можно охарактеризовать в целом языковую ситуацию в Шлезвиг-Гольштейн и оценить языковую культуру и профессиональный уровень канцелярии герцога.

Языковая ситуация современной земли Шлезвиг-Гольштейн характеризуется особенностью, которую Курт Браунмюллер⁸ назвал «скрытым многоязычием»: это пятиязычие, в котором (верхне)немецкий стандарт находится в контактном взаимодействии с нижненемецким региональным

⁸ Braunmüller, Kurt Verdeckte Mehrsprachigkeit. — Vulpis Adolatio. Festschrift Hubertus Menke zum 60. Geburtstag. Heidelberg, 2001. S. 117.

субстандартом, датским стандартом (Rigsdansk) в преобладающей южно-голландской его разновидности, южноютландским (Sønderjysk) и севернофризским. История верхненемецкого языка в Шлезвиг-Гольштейне в ситуации пятиязычия должна была наложить на него особый отпечаток. Форма влияния на верхненемецкий язык других языков имела вид языкового смешения, проявляющегося в форме ошибок, нарушений правил основного языка (в нашем случае верхненемецкого письменно-делового языка, принятого в канцелярии Готторпа).

Для понимания языковой ситуации в Голштинии важно прежде всего помнить, что вторая половина XVII в. — это время, когда нижненемецкий уже уступил позиции официально-делового языка восточнореманскому варианту (верхненемецкому), на который давно и прочно перешли канцелярии даже крайних северных областей Германии. Реформация, пришедшая сюда при Кристиане III, завершилась в Шлезвиге в 1559 г. Связанное с ней вытеснение нижненемецкого верхненемецким языком в канцеляриях происходило в различное время, но даже г. Тондерн, самый северный город герцогства, завершил этот переход ок. 1600 г.⁹

Роль скандинавского влияния на языковую ситуацию в герцогстве Шлезвиг-Гольштейн в XVII в. в значительной степени обусловлена его историческими связями с Данией и Швецией¹⁰. В эпоху Средневековья герцогства Шлезвиг и Голштиния относятся к владениям датской короны. Титул датского короля еще до XX в. отражал это географическое и политическое состояние: «милостью Божией король Дании и Норвегии, вендов и готов, герцог Шлезвигский, Голштинский, Стормарнский и Дитмарский, граф Ольденбургский и Дельменхорстский». Так же звучит и титул герцога Фридриха III, так как датский престол в разные времена занимали представители шлезвигского дома: первым Фридрих I, объединивший его готторпскую и сегебергскую ветви, был избран королем Дании и Норвегии. Герцог Кристиан стал королем Дании Кристианом III, однако при нем части герцогства Гадерслебен и Готторп отошли к его братьям. Дальнейшая история этих земель полна распрей и переделов, но ее особенностью всегда была включенность в крупнейшие политические коллизии Северной Европы и политическое противостояние между Данией и Швецией.

Король Дании Кристиан IV участвовал в Тридцатилетней войне, что привело к вторжению в Шлезвиг кайзеровских войск под командованием Тилли и Валленштейна, а затем шведов под предводительством Торстенсона (1643—1645) и к разорению Шлезвига. Положение герцогства осложнилось дальнейшим ухудшением отношений между Швецией и Данией. В этой ситуации герцог Шлезвиг-Голштинии Фридрих III в 1654 г. выдал дочь за шведского короля Карла X Густава, который вскоре стал злейшим врагом Дании. В договоре от 2 (12) мая 1658 года, заключенном в Копенгагене, датский король предоставлял дому Готторпов суверенитет над готторпской частью герцогства Шлезвиг. Кроме этого в грамоте, подписанной в тот же день, но в течение целого столетия остававшейся государственной тайной в Дании, королевские владения в Шлезвиге были переведены под его личный суверенитет и суверенитет его наследников. Так закончилось многовековое господство датской короны над герцогством Шлезвиг. Относительная самостоятельность герцогства Шлезвиг сохраняется и после принятия в 1665 г. Lex Regia, устанавливающего в Дании абсолютизм.

Замок Готторп (в верхненемецкой форме Готторф: Gottorf) известен с 1161 г. в качестве резиденции епископа Шлезвигского. В 1544 г. по разделу земель он становится резиденцией герцогов Шлезвиг-Гольштейн-Готторп. Герцог Фридрих III, при котором замок был значительно расширен, сумел поднять его значение как политического и культурного центра северной Европы на небывалую высоту. Именно со временем этого герцога связано понятие «готторпского Ренессанса». Однако с тех пор, когда в замке содержался Тимофей Анкидинов и в переговорах

⁹ Das Eindringen der hochdeutschen Sprache in die Schulen Niederdeutschlands im 16. Und 17. Jahrhundert. Artur Gabrielsson // Ndt. Jb. Bd. 58 (1932/1933) S. 1—79, здесь 78—79.

¹⁰ Winge, Vibeke. Dänische Deutsche — deutsche Dänen. Heidelberg, 1992. S. 7.

между Фридрихом, Кристиной и царем Алексеем Михайловичем решалась его судьба, там многое изменилось. При Фридрихе IV (ум. 1702 г.) резиденция значительно перестраивалась, а с 1713 г. (не позднее 1721 г.), с отходом готторпской части герцогства Шлезвиг к датской короне, замок становится резиденцией датского наместника в Шлезвиг-Гольштейне, в нем также размещаются другие высокие инстанции администрации земли. Заканчивается эпоха блеска готторпских правителей, богатые коллекции замка вывозятся, библиотека герцогов, которой при Фридрихе III заведовал Олеарий, переведена в Копенгаген. Знаменитый глобус из Готторпа в 1713 г. перевозится в Санкт-Петербург.

При княжеских дворах Германии с XVII в. начинает господствовать мода на французский язык, наряду с которым пользовались и верхненемецким языком. Это относилось, по мнению В. Зандерса¹¹, ко всем служащим при дворе начиная с канцлера, часто приглашенного на службу выходца из южных или юго-восточных областей Германии, до камердинера. В отношении же владения местным вариантом, в нашем случае нижненемецким, наблюдается сильное расслоение между социальными группами носителей. Так, историки языка полагают, что в среде аристократии происходит вытеснение нижненемецкого изо всех сфер общения. Например, младшие отпрыски знатных родов севера Германии, например, рода Вельфов, в это время уже практически не владели нижненемецким, родным языком этих мест, а знали лишь некоторые выражения, подхваченные из общения со слугами — конюхами, садовниками, лакеями¹². Низшие слои общества, разумеется, сохраняли нижненемецкий (или родной диалект или говор последнего) в качестве языка общения вне службы при дворе. О таком расслоении говорит свидетельство историков о том, что многие северногерманские фюрсты вынуждены были через переводчика объясняться со своими подданными¹³. Иначе протекало данное расслоение в городах. Верхненемецкий и там становился языком официального общения и, что важно для нас, официальных документов, языком канцелярии, суда и других инстанций. Все это в полной мере относится к городу Любеку, ратушная канцелярия которого участвует в переписке по делу Анкидинова. В это же время в бюргерской среде даже в наиболее образованной богатой ее части еще сохранялось хорошее владение нижненемецким, хотя высшей языковой формой, несомненно, был верхненемецкий.

О грамотности и уровне языковой подготовки в канцелярии Готторпа можно сказать следующее.

К началу XVII в. для герцогства Шлезвиг-Гольштейн-Готторп можно предполагать такую ситуацию, когда на официальные должности в ландтаге и в управлении герцогством набирались служащие из местных семейств рыцарей-землевладельцев. Исправление чиновных обязанностей не требовало от них постоянного пребывания на службе или при герцогском дворе. Однако вскоре двойственное положение таких служащих — одновременно в качестве подданных и в качестве ландратов, т. е. чиновников, решавших вопросы, нередко касающиеся их же интересов, — привело к тому, что их стали подозревать в предвзятости и корысти, в том, что они действуют не всегда в интересах своего господина, но и в своих собственных. Недоверие к служащим из местных семей рыцарей-землевладельцев заставило искать преданных слуг в иной среде и в иных землях. Готторпы в числе первых начали привлекать к работе в своей канцелярии и других службах высокопрофессиональных, преданных чиновников и советников с безупречной репутацией¹⁴. Для этой цели они обратились к практике приглашения на эти должности людей из бюргерской среды,

¹¹ Sanders, Willy. *Sachsensprache, Hanesprache, Handelssprache. Sprachgeschichtliche Grundzüge des Niederdeutschen*. Göttingen, 1982.

¹² Там же. S. 157.

¹³ Schnath, Plattdeutsch im Munde welfischer Barockfürsten — W. Kramer, U. Scheuermann, D. Stellmacher (Hgg.) *Gedenkschrift für H. Wesche*. Neumünster, 1979. S. 280.

¹⁴ Bischoff, Malte. *Die Amtleute Herzog Friedrichs III. von Schleswig-Holstein-Gottorf (1616—1659). Adelskarrieren und Absolutismus*. Neumünster, 1996. S. 174.

благодаря полученному ими юридическому образованию делавших служебную карьеру. Иногда это могли быть и представители дворянских родов, но в этом случае не местных, а иноземных, происходящих вне пределов герцогства. Таким образом, замена штата служащих людьми иного социального и территориального происхождения привела и к введению иного образовательного стандарта, иных профессиональных критериев при подборе кадров.

Уже за одно-два десятилетия до интересующего нас времени в Голштинии появились придворные служащие нового типа, прошедшие подготовку на юридических факультетах университетов. Они были специалистами не только по имперскому общему праву, но и по римскому гражданскому праву, а кроме того, по традиции изучали также каноническое право. Имея таким образом докторские степени в двух областях юриспруденции, они занимали при немецких княжеских дворах посты советников, канцлеров. Поиск таких специалистов требовал от феодалов больших усилий и обширных связей за пределами своих княжеств. По мнению историков, Готторпы располагали в этом отношении большими возможностями, будучи князьями-епископами Бремена (Fürstbistum) и имея родственные династические связи с гессенским и мекленбургским княжескими дворами¹⁵.

Состав служащих при дворе Готторпа, их биографии и положение в герцогстве изучались историками, и некоторые сведения, дошедшие до нас, могут дать представление о персональном составе служащих канцелярии герцогов, их образовании, квалификации. В особенности нас интересует их языковая компетенция как в немецком, так и латинском делопроизводстве, о которой можно таким образом косвенно составить какое-то представление. М. Бишоф, специально посвятивший свои исследования истории готторпской династии и ее резиденции, приводит примеры таких служилых людей при дворе Готторпов¹⁶.

Особенно интересны для нас те придворные чиновники, которые имели непосредственное отношение к ведению документации и переписке. Оговоримся, что установить личность того или иного секретаря, обладателя того или иного из почерков, которыми выполнены находящиеся в корпусе тексты, не удастся, и поэтому особый интерес представляют все косвенные данные о секретарях и других служащих двора и канцелярии, в том числе и за период, предшествующий времени пребывания самозванца в Готторпе. На основании таких косвенных данных попытаемся составить общую характеристику профессионального уровня и манеры делопроизводства при дворе Готторпов, которая даст нам указания и на языковую компетенцию конкретных исполнителей, и на общий уровень нормированности языка в деловых бумагах, выступавший ориентиром при составлении текстов и на немецком, и на латинском языках.

В своем исследовании М. Бишоф приводит биографии трех чиновников канцелярии в Готторпе, деятельность которых приходится на интересующие нас годы.

Старшее поколение представляет Иохим Блютинг (Joachim Blüting, 1572–1643), карьера которого при готторпском дворе протекала в период, непосредственно предшествовавший времени, когда голштинский герцог принял участие в аванюре Тимофея Анкидинова. Иохим Блютинг, уроженец города Киля, происходил из бюргерского сословия, очевидно, из семьи патрициев. Получил юридическое образование, закончив курс магистром права (университет неизвестен). При готторпском дворе Блютинг служил с 1606 г. в качестве секретаря¹⁷. Ему также поручалось вести дела в суде, отстаивая интересы герцога в качестве адвоката, а также выступать в качестве официального обвинителя. Около 1640 г. фон Блютинг завершил главный труд своей жизни — «Глоссарий к Ютскому праву». В этом труде он комментирует Ютское право, сравнивая его с

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. S. 175.

датскими земельными законами, а также с голштинским и саксонским правом, дополняя комментарием из общего имперского права. По выражению М. Бишоффа, «в приводимых им цитатах и отсылках предстает вся полнота и компиляторская ученость двух десятков комментаторов имперского права, труды которых были досконально знакомы Блютингу»¹⁸. Комментарий И. фон Блютинга был издан лишь в 1717 г., но за десятилетия, прошедшие после его составления до опубликования, он, несомненно, послужил образцом и источником сведений для нескольких поколений юридически грамотных писцов канцелярии.

Из поколения младших коллег Блютинга, прошедших при нем школу работы, вышли не только профессионалы высокого класса, сменившие его в канцелярии, но и крупные сановники, для которых Готторп послужил промежуточным и, очевидно, очень благотворным этапом в их карьере. Таков Дитрих Рейнкинг (Dietrich Reinking, 1590–1664), канцлер королевских земель в герцогствах Шлезвиг и Голштиния, первым занявший этот пост во вновь организованной инстанции в г. Глюкштадте. Как и Блютинг, он происходил из бюргерской патрицианской семьи из г. Оснабрюка. Получив в 1611–1616 г. образование в области гражданского и церковного права в университетах Кельна, Марбурга и Гиссена, он сделал блестящую карьеру на академическом поприще, внося своими научными трудами большой вклад в правовое обновление Германии как в светской жизни, так и в сфере церкви. Лишь после этого он перешел на придворную службу — сперва в качестве советника и вице-канцлера герцога гессенского, затем советника голштинского герцога в Готторпе. Позднее Рейнкинг стал канцлером датских правителей Бремена и в этом качестве возглавлял их делегацию при выработке Вестфальского мира 1648 г. Датским канцлером в Глюкштадте он стал также в 1648 г., а с 1650 г. — одновременно и председателем высшего апелляционного суда в Пиннеберге. Опыт Рейкинга, накопленный им за десятилетия работы в различных сферах, как ученого-правоведа, государственного деятеля и крупного судебного чиновника, соединился в труде, венчавшем его карьеру, когда он принял участие в разработке датского наследственного права, *Lex Regia*, и в целом — правовых основ датского абсолютизма.

Мелкопоместное дворянство, видя в личностях типа Блютинга и Рейкинга серьезную угрозу для своих карьерных перспектив, приходило к мысли о необходимости в новых условиях обеспечить равноценное образование и для своих сыновей. При дворе Готторп царило мнение, что такая карьерная предпосылка, как отъезд в чужие края для получения образования («*peregrinatio*»), просто необходима для дворянских сыновей, надеющихся занять место при дворе. К требованиям, предъявляемым к таким претендентам на официальные придворные посты, теперь с естественной неизбежностью относилось, помимо высокой юридической квалификации, также совершенное владение латынью. Характерным примером карьеры дворянского сына может служить жизнь Эгидия фон Ланкена.

Эгидий фон Ланкен (Egidius von der Lancken, 1580–1631) происходил из мекленбургской знати, его семья в течение нескольких поколений поставляла кадры чиновников для двора Готторпов. По протекции вдовы мекленбургского герцога Эгидий поступил в монастырскую школу в Бордесхольме, затем продолжал образование как в Германии, так и за ее пределами — во Франции и Италии (ок. 1600 г.). Он служил советником епископа Иоганна Адольфа в Бремене. Политическая преданность готторпским интересам была вознаграждена продвижением по службе сначала в качестве пробста Любекского соборного капитула (по протекции епископа герцога Иоганна Адольфа) с полномочиями в городах Кисмар, Ништадт и в Фермарии, а позднее, в 1616 г., на посту обергофмейстера в Готторпе — должности, специально для Ланкена созданной герцогом Шлезвиг-Голштинским Фридрихом III¹⁹. В 1622 г. в сфере его полномочий отошли также города Киль,

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Бордесхольм, с 1625 г. он получил место пробста монастыря Претц, наконец в 1629 г. — в замке Готторп. Два удачных брака прочно связали его с местной землевладельческой знатью, например, второй брак с урожденной Ревентлоу (Reventlow) принес ему земельные владения в Штокзее (округ Плён). Фон Ланкен стал тайным советником Фридриха и, пользуясь его полным доверием, возглавил в 1628—1629 г. делегацию готторпского дома при переговорах. Помимо этой официальной функции на него было возложено еще тайное поручение вступить в контакты с Валленштейном, и он способствовал заключению Любекского мира 1629 г.

Таким образом, можно предполагать высокую культуру делопроизводства в службах герцогов Шлезвиг-Гольштейнских в Готторпе и высокую квалификацию служащих у них секретарей и переводчиков. Однако следует учитывать, что и в этом случае тексты профессиональных писарей не лишены колебаний в орфографии, отдельных диалектных элементов. Чтобы отличать от этих колебаний действительно серьезные нарушения правил грамматики и орфографии, говорящие об авторстве неопытного или не очень грамотного составителя, необходимо представить себе разницу в масштабах отклонений.

К сожалению, изучению палеографических особенностей и других черт письма и орфографии неопытных или неграмотных авторов посвящены лишь немногочисленные работы филологов-германистов. Например, признаком неопытной непрофессиональной руки считаются неровный левый край текста, прерывание дуктуса (например, невыполнение соединений *d* и следующего за ним *e*) или же при выполнении этих соединений нарушается высота написания второй буквы (например, в комбинации *de* буква *e* пишется на уровне высокого финального элемента предшествующей буквы *d*)²⁰. Поскольку в нашем случае все письма являются списками, сделанными готторпскими секретарями, палеографические особенности оригиналов нам неизвестны. Что же касается орфографических особенностей неопытных или неумелых писцов, то к их числу относят такие, как, например, колебания в написании *v/u/w*, которые в принципе присущи и канцелярской норме, но дистрибуция этих графических вариантов у последних подчиняется определенным правилам, которые у неквалифицированного автора нарушаются²¹.

Обзор вариантов и графических, фонетических различий в немецкоязычном письме готторпских служащих также показывает, что колебания эти имеются, однако они остаются в определенных границах. Как правило, различия касаются следующих моментов:

- написание *mb* вместо этимологического *m* у писца 3, ср. *Oheimblich* «братский», *Oheimb* «брат, шурин», *sambt* «вместе»;
- колебания *nd/ndt*, ср. у писца 1 *unschuldt* «невиновность», *landt* «страна», *vnbe kandt* «незнакомая» и у писца 3 *freundtschafft* «дружба» при обычных формах с *nd* у писца 2;
- употребление *-h* в качестве знака долготы предшествующего гласного в словах *Kebohner* «рожденный», *mahl* «раз» у писца 1, то же у писца 2 *verrahter* «предатель» и у писца 3 *Nahmens* «по имени»;
- двойное написание *ff* отличает руку 1 (*krafft* «сила», *scharffes* «острое» и *kraffen* «графа») и 3 (*freundtschafft* «дружба»);
- колебания *k /gk /ck /ckh*, ср. у писца 1 *Dangk* «благодарность», но у него же *danckh* «благодарность», *Vngluckh* «несчастье», *Werckh* «деяние» и у писца 2 *Wurck* «деяние», *Turckischen* «турецкого»;
- колебания в проведении фонетических южных (передвинутых) форм: *k/g* у писца 1 *kenohmen* «взятый», *kraffen* «графа», *knedigster* «милостивейший», *keiste* «духа» *Kebohner*

²⁰ U. Weber. Hermannus bekande, dat he sodanne breue all, wo wol id twyerlye schrifft gestalt were, mit siner hand — vnde de so vorwandelt — geschreuen hedde. Zu echten und gafalschten Schriftstücken ungeubter Schreiber aus Spätmittelalter und Frühzeit. — Vulpis adolatio. Festschrift für H. Menke. Heidelberg, 2001. S. 911.

²¹ Там же. S. 913.

«рожденный», *Kubernator* «губернатор», *Kottorf* «Готторф», *Kott* «Бог», но у него же находим *Gottes* «Бога, божья», *gegen* — «противо-», у писца 2 *Kotes Knade* «Божья милость»;

- фонетическая форма *Vnderthan* «подданный» с непередвинутым *d* у писцов 1 и 2 (вряд ли нижненемецкая черта, так как у тех же писцов встретились многочисленные передвинутые *g*);
- колебания в слитном или раздельном написании, например, у писца 1 *Vnder than*, но *Vnderthan*, (у писца 2 всегда *Vnderthan*), также у писца 1 — раздельное написание приставок и превербов, ср. *er zehlet* «рассказанное», *er gebung*, *gegen wertigen* «присутствующего».

Эти неточности правописания типичны для узуса немецких профессиональных писцов, пользующихся верхненемецким (общенациональным) языком. Здесь не место для выяснения конкретного происхождения этих различных вариантов: все они являются в конечном счете диалектными или региональными чертами, не преодоленными верхненемецким письменно-деловым стандартом, находящимся еще в процессе своего становления. Важно то, что в целом они представляют типичную картину, которую приходится наблюдать и в других канцеляриях Германии²². Характеризуя не столько состояние языка, сколько отношение к норме в узусе канцелярий, эти колебания проявлялись, по всей видимости, не только в родном языке. Хотя и в меньших пределах, можно допустить определенные колебания и в латинском узусе, например, колебания в написании *k/c*, *i/y*, *s/t*, известны также колебания в формах падежа. Следовательно, такие особенности не свидетельствуют о более низкой культуре языка и делопроизводства, чем в целом по всей Германии, а тексты с такими неточностями, как перечисленные в пунктах 1–3, могут принадлежать профессиональным писарям.

Однако большинство орфографических ошибок в текстах Анкидинова (см. пункты 4–9) и все грамматические выходят за рамки этих колебаний в пределах нормы, а свидетельствуют о том, что писавший плохо владел языком, возможно, исключительно пассивно, не имея навыка создания текстов на латыни. Ошибки в падежном управлении, склонении и в синтаксисе в целом свидетельствуют о низкой языковой компетенции пишущего, которую вряд ли можно было бы ожидать от профессионального латинского писаря. Кроме того, одна из этих ошибок, как было указано выше, может свидетельствовать о русском интерферентном влиянии, то есть о происхождении неквалифицированного автора латинского письма. Это могло бы говорить в пользу того, что Тимофей Анкидинов активно участвовал в создании этих текстов, например, что он сам составил их черновики, а скорее — даже беловики оригиналов, что объяснило бы сохранение ошибок при копировании писем в канцелярии.

Вопрос о том, мог ли Анкидинов быть автором этих латинских писем, пусть даже безупречных с точки зрения языка, не может получить однозначного ответа. В принципе для него, как для писаря, прослужившего много лет в различных приказах (сначала в вологодской съезжей избе, а затем в московском приказе Новой Четверти), освоение в ограниченных пределах делопроизводства на каком-то другом языке было вполне возможно, если только ему представился такой случай. Главный вопрос, который встает перед нами: где мог Т. Анкидинов ознакомиться с латинским языком? Чтобы попытаться ответить на него, следует выделить те периоды его жизни, когда он так или иначе соприкасался с латинским языком. Таких периодов было несколько:

1. В Посольском приказе, где Анкидинов служил до своего бегства за границу в феврале 1644 г., среди штатных переводчиков были переводившие с классической латыни и те, кто переводил с «цесарского латинского», т. е. с латыни венской канцелярии²³. Мы не знаем, на каком языке специализировался сам Тимошка, однако знакомство его с латынью вполне возможно уже в этот период. Он мог готовиться к исполнению своих планов заранее, но, разумеется, не открыто, а

²² О региональных особенностях языка немецких канцелярий и развитии национальной нормы см. подробнее Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М., 1955.

²³ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1992. С. 181–182.

украдкой. В таком случае он должен был знать латынь только пассивно, т. е. мог слышать латинскую речь послов, присутствовать при переговорах, а также быть в состоянии читать и переводить тексты, но не иметь навыка создания текста на латинском языке. Это объясняло бы синтаксические ошибки: слыша иностранную речь или читая, человек не задумывается над тем, какой падеж употреблен, каким падежом управляет тот или иной предлог и т. д.

2. Период пребывания в католической Польше (в Кракове в 1644 г.), о котором нет достаточно ясных сведений, мог все же предоставить Анкидинову возможность дальнейшего знакомства с латинским языком.

3. Еще одним адресом, где самозванец мог пополнить свои навыки латыни, была Венеция, а перед этим Дубровник, также принадлежавший тогда Венецианской республике (весна 1648 г.).

4. Наконец, пребывание в Риме, при папском дворе, с начала весны 1648 г. по лето 1649 г., где он имел, очевидно, лучшие возможности для совершенствования в латинском языке. При этом особенно важен период, связанный с переходом самозванца в католицизм. В это время он мог интенсивно общаться с католическими священниками и приобрести навыки активного употребления латинского языка как в устной, так и в письменной форме. Следует, однако, иметь в виду и то обстоятельство, что Анкидинов впоследствии владеет также итальянским, который он тоже мог изучить, находясь в Италии. Часть переписки этого времени происходила именно на итальянском, а его латинские тексты, как упоминалось выше, несут на себе отпечаток влияния итальянского языка.

5. Германия, где самозванец проводит заключительный период своих странствий, также могла предоставить ему возможности закрепить свои познания в латыни. В последние месяцы его пребывания здесь, в замке Готторп у герцога Шлезвиг-Голштинского Фридриха III, он, несомненно, имел длительное общение с секретарями и переводчиками герцога во время допросов (в фонде имеется 2 протокола допросов самозванца, составленных в Готторпе). Именно здесь он и создал свои латинские тексты.

Из сказанного следует, что не исключена возможность того, что Тимофей Анкидинов мог в какой-то степени усвоить навыки латинского письма: для этого у него были профессиональные предпосылки, неоднократно представлялись удобные случаи и, наконец, был мотив.

Следующий вопрос, на который требуется найти ответ: могли ли эти поверхностные навыки быть достаточными для того, чтобы Анкидинов отважился писать самостоятельно латинские официальные послания? Пользовался ли он чьей-либо помощью, какими-то заготовками или образцами?

Можно предположить, что манера обращения с текстом, характер цитирования или компилирования был у Анкидинова в принципе один и тот же на всех языках, на которых он писал. Поэтому для решения данной проблемы чрезвычайно ценны наблюдения, высказанные В. В. Дубовик в ее работе «Об особенностях цитации в текстах Тимофея Анкидинова»²⁴. Исследовательница русского корпуса самозванца, анализируя его приемы цитирования и ссылок на известные литературные произведения его времени и Священное писание, отмечает у него несомненные филологические навыки: «формирование комплекса выписок, умелое манипулирование ими, лингвистическая правка избранных фрагментов, составление заготовок для будущих посланий» (рук., с. 15). Таким «банком» русских цитат является обнаруженное В. В. Дубовик в фондах РГАДА письмо Анкидинова, содержащее комплекс выдержек из патриарха Александрийского Мелетия. Думается, что совершенно верно предположение В. В. Дубовик о том, что настоячивые просьбы Анкидинова возратить ему отобранные у него бумаги касались именно этого фонда выписок и других источников, который он мог возить с собой (Дубовик, рук. 13). Если для своих

²⁴ Статья В. В. Дубовик «Об особенностях цитации в текстах Тимофея Анкидинова» еще не опубликована, авторам она знакома в рукописи, на которую далее и делаются ссылки.

русских писем самозванец разработал целую систему работы с чужими текстами, создавая таким образом сложный комплекс подтекстов и аллюзий, наталкивавших его адресатов на нужные ему умозаключения и тем самым усиливавших убедительность его самозванческой легенды, то он тем более должен был прибегать к помощи чужих текстов при составлении прошений на нетвердо усвоенной им латыни.

Имелся ли у самозванца латинский архив-цитатник или какой-либо другой материал, заготовленный на случай, если ему придется писать сложные латинские тексты, нам неизвестно. Поиск прототипов литературных аллюзий или других содержательно или стилистически примечательных пассажей и выражений в латинских и немецких текстах Анкидинова — это предмет другого исследования, однако и ошибки Тимофея Анкидинова могут происходить из каких-то имевшихся у него латинских источников. Действительно, даже в том небольшом материале латинских текстов, который знаком нам (а именно в латинских рекомендациях, которые были при самозванце до самого его заточения в Готторпе), обнаружился несомненный источник цитаты, установленный на том основании, что с ним связана одна из типичных ошибок самозванца. Выше в числе латинских ошибок Тимофея Анкидинова упомянут случай употребления винительного падежа вместо именительного *extorrem* «лишенный» вместо *extorris* в письме к официальным лицам г. Любека, см. выше, Грамматические ошибки, п. 5). В одном из сопроводительных писем, а именно в паспорте Георгия Ракоци, нет неправильных написаний (очевидно, оно подлинно), однако встречается фраза *peregrinum et laribus patriis extorrem* «скиталец и лишенный отеческих ларов», с правильной падежной формой (*extorrem*), часть которой, *et laribus patriis extorrem*, видимо, позже была без изменений переписана Тимошкой в послание к официальным лицам свободного города Любека, ср. **Ego ... Johannes Sinen=|sis Moscovita tanquam violenter oppressus mi|ser<r>imus homo, et laribus Patrijs extorrem**» «Я... Иоанн Синенсис московит,.. жестоко притесняемый, несчастнейший человек, отеческих ларов лишенный». В этом новом окружении, однако, требовалось изменить падеж с винительного на именительный *extorris*, чего Анкидинов не сумел сделать. Так возникла ошибка, одна из целого ряда подобных же, характеризующих латинский язык писем Анкидинова.

Этот случай проясняет для нас то, как Анкидинов при очень ограниченном (и притом пассивном) владении латинским языком мог составлять целые послания на нем: он пользовался фрагментами из имеющихся у него аутентичных латинских текстов, составляя из них свои послания, возможно, не всегда отличая при этом латынь от итальянского языка. Важный вывод, вытекающий из всего изложенного, состоит в следующем: можно считать доказанным, что Тимофей Анкидинов сам отваживался писать письма на латинском языке. Возможно даже, что переписчики канцелярии сохранили не все его ошибки, а не удержались от того, чтобы исправить некоторые из них. Однако даже того, что сохранилось в списках, достаточно, чтобы утверждать, что оригиналы не принадлежали перу княжеских канцеляристов, а были написаны самим Анкидиновым. В таком случае анализ ошибок, приведенных в начале статьи, можно подытожить следующим образом: если орфографические неточности, перечисленные в списке орфографических ошибок в пунктах 1–3, не выходят за пределы колебаний, допускаясь в узусе канцелярий, и объясняются незавершенностью нормализационных процессов в языке XVII в., то ошибки, приведенные выше в пунктах 4–9, а также все грамматические и синтаксические, являются характерными признаками латыни самозванца.

Теперь можно перейти ко второму вопросу: не удастся ли на основе этих установленных характерных черт (ошибок) латинского языка авторских текстов Анкидинова проверить подлинность тех латинских документов, составленных от имени других лиц, которые также содержат ошибки в латинском языке?

Сравнение рекомендательных писем и прочих поручительств и свидетельств, написанных на латинском языке, показывает, что они неравноценны с точки зрения качества языкового исполнения.

Так, большие различия наблюдаются между письмами турецкого султана, Богдана Хмельницкого, королевы Кристины, с одной стороны, и Каспара, протектора Королевства Польского — с другой. Тексты первой группы содержат единичные ошибки, притом лишь в слитном или раздельном написании:

— письмо турецкого султана Ибрагима содержит *ad ministret* вместо *administret*, *incivitate* вместо *in civitate*.

— свидетельство Богдана Хмельницкого: *amilitibus* вместо *a militibus*, *manipropria* вместо *mani propria*.

— паспорт королевы Кристины: *omnibs* вместо *omnibus*, *id circo* вместо *idcirco*, *rebs* вместо *rebus* (последнее — возможно, не описка, а принятая в деловом письме контракция).

По сравнению с этими письмами человек, составивший письмо-подтверждение пресвитера Кардинала Матфея, протектора Королевства Польского Каспара от 2 августа 1648 г., данное в Риме и подтверждающее проездную грамоту польского короля Владислава IV от 23 июля 1644 г., проявляет столь недостаточную языковую компетенцию в латыни, какую трудно предположить у профессионального писца высокой инстанции католической Польши. Приписываемый Каспару текст содержит следующие ошибки: 1) раздельные написания *ex rediendo* вместо *expediendo* «отправив», *per lectis* вместо *perlectis* «прочитанных», *in hibendo* вместо *inhibendo* «сообщая», *in vio labiliter* вместо *inviolabiliter* «безупречно»; 2) одиночные согласные вместо двойных, пропуск букв, употребление одних букв вместо других, ср. *supscriptis* «подписанными» вместо *subscriptis*, *oficio* «обязанностью» вместо *officio*, *Haereditarius* «наследный» вместо *hereditarius*, *spirituabus* «духовным» вместо *spiritualibus*, *secularibus* «вековыми» вместо *saecularibus*, *Thimoteo* «Тимофею» вместо *Timotheo*, *nonnulis* «некоторыми» вместо *nonnullis*, *Reipublicaque* «государству» вместо *reipublicaeque*. По всей логике можно было ожидать обратной картины, а именно, что свидетельство этого католического сановника будет составлено на безупречном латинском языке или, по крайней мере, не менее правильном, чем турецкого султана или королевы реформированной Швеции. Далее, сверив этот список с перечислением ошибок и описок в текстах, в отношении которых мы предположили авторство самого Анкидинова, убеждаемся в их сходстве. Автору латинских писем Анкидинова свойственны те же ошибки, что и составителю польского рекомендательного свидетельства (якобы протектора Польши Каспара). Напрашивается вывод о подложности последнего, то есть о том, что Тимофей Анкидинов сам написал себе рекомендацию от имени протектора Польши.